

...Церковь Святого Маврикия викарий епископа Анжерского Ладислас Анжерский покинул внезапно, без каких-либо изъяснений, по причинам, никому до сих пор не известным, точнее - не установленным. Это случилось в 1653 году, а по прошествии приблизительно 5-7 лет в деревне Крессо, на северо-востоке графства Мэн близ Орлеана, был построен дом, который называли «Medmor». Он располагался на возвышенности в непосредственной близости от леса и болотистых топей, но в отдалении от самого селения (которое впоследствии естественным образом расширяло свои границы), чьи земли входили во владения барона Франсуа Пивьера, ближайшего друга епископа Шартрского. По непроверенной версии (но и не опровергнутой историей) архитектором и собственно владельцем имения был тот самый Ладислас Анжерский, чья биография оказалась весьма колоритной, что подтверждают и фактографические данные.

Родился преподобный в 1606 году в городе Анжере. Сын королевского прокурора Жерара де Руи и дочери барона Жан-Жана Пивьера Элеоноры, он приходился племянником тому самому Франсуа Пивьеру, старшему сыну и наследнику барона - брата Элеоноры, в чьи владения входила деревня Крессо. Рос Ладислас де Руи физически слабым и болезненным ребенком, оставался таковым и в последующие годы своей жизни, но умственно был развит не по годам. С детства славился повышенной чувствительностью, сильной эмоциональностью, часто был капризен и упрям, однако всегда старался добиваться намеченной цели, чего бы это ему не стоило. В раннем возрасте проявил интерес к истории и изучению Библии. Его отец готовил Ладисласа к карьере военного, однако с каждым днем понимал всю тщетность этой затеи ввиду слабого здоровья сына, вконец смирившись с желанием последнего изучать римское право, богословские науки и посвятить себя служению Богу. Получив отличное образование в Нантском колледже, молодой де Руи надел рясу священника. Восхождение по лестнице церковной иерархии было довольно сложным и мучительным, но эти естественные барьеры судьбы он миновал достойно, будучи, как уже упомянуто выше, целеустремленным. Интриги, возникающие препятствия и опасности постоянно преследовали патера до момента, когда он стал викарием прелата-епископа Анжерского, но и тогда они не оставили его. Ладислас был человеком творческим, с незаурядными умственными способностями, ревностным служи-

телем католической веры, люто ненавидел врагов Церкви и Папы, искренне верил в непогрешимость последнего. Есть свидетельства, указывающие на сильное чувство зависти, которое викарий питал по отношению к тем, кто так или иначе ее возбуждал своими деяниями, более успешными, своим состоянием, более богатым, или своими способностями, более незаурядными. Это способствовало выпестиванию особой жестокости и коварства, безжалостности к недругам, но одновременно с этим Ладислас был обаятелен и даже добр к своим друзьям и союзникам. Таким образом, в этом талантливом человеке сочетались крайне несовместимые друг с другом качества, которые склоняли чашу весов сложного характера викария то в одну, то в другую сторону и никогда при этом не достигали справедливого равновесия: любовь сожительствовала с ненавистью, доброта со злостью, щедрость с жадностью, спокойствие с резкой вспыльчивостью.

Учитывая его жгучую ненависть к ереси и еретикам, де Руи, сменивший имя на Анжерский (причины такого решения неизвестны), принимал активное участие в процессах, проводимых Инквизицией, жестокая деятельность которой во времена «красного кардинала» несколько поутихла на территории Франции. Но не потому, что кардинал Ришелье был жалостлив, а потому, что амбициозный политик концентрировал власть в своих руках, превращая Францию в абсолютную монархию. Сведения по нескольким таким процессам, вопиющим своей жестокостью, сохранились в истории. В них викарий Ладислас Анжерский входил в состав Святого трибунала от католической церкви; более того, и в одном, и в другом деле он рьяно настаивал на самой жестокой каре обвиняемому - аутодафе (auto de fe - буквально «акт веры»). Это публичный процесс, кульминационным моментом которого являлось сожжение; другими словами, казнь без пролития крови, и был в своем желании непримирим. Один из таких судов трибунала происходил осенью 1639 года. Тогда инквизиторы, монахи-доминиканцы Артель Фезьер и Гийом Мони арестовали дворянина по имени Пьер Рашлар, тридцати семи лет, не обладающего большим богатством и угодьями, а владевшего лишь клочком земли из-за банкротства родителя, на котором и жил.

Он обвинялся в колдовстве, повлекшим за собой тяжелую болезнь баронессы д'Эрван, родственницы королевского Прево. После того, как несчастному зачитали приговор суда в пропитанной сыростью и зловонием тюремной комнате крепости Анжер, в которой содержался арестованный, Рашлар заявил, что ничего не

совершал из всего того, в чем его обвиняют. Тогда Гийом Мони, инквизитор, велел немедленно ввести его в камеру пыток. Там с дворянина сняли всю одежду, кроме рубашки, положили на пыточную кобылу (escalera - кастильское слово), к которой палач привязал его за руки и за ноги пеньковой веревкой. Пока молчаливый и хмурый палач обвязывал осужденного, делая так называемые закрутки (обороты веревок) на ногах, Гийом Мони несколько раз предлагал последнему признать свою вину и избавиться себя от ужасных мук предстоящей пытки. Пьер Рашлар вновь и вновь повторял о своей невинности, чем обрек себя на страшные и долговременные мучения. Дело в том, что так называемая пыточная кобыла представляла собой деревянное сооружение в форме водосточной трубы, которая вмещала в себя человеческое тело. У нее не было иного основания, кроме пересекающего ее бревна, на котором тело пытаемого, падающее назад, головой вниз, и сжатое с боков, сгибается и искривляется, и принимает такое положение, что ноги находятся выше головы. В таком положении усиливается мучительное дыхание, руки и ноги начинают невыносимо болеть, так как давление веревок настолько сильно, что они въедаются в кожу и даже проникают в плоть до самых костей.

В рот несчастного ввели до глубины горла тонкую, смоченную водой тряпку, на которую стали лить жидкость из глиняного сосуда с продырявленным дном. Вода скапывала непрерывно в течение часа. Учитывая положение тела - головой вниз, что предельно мучительно для дыхания, подобная пытка довольно часто влекла смерть, особенно для людей старшего возраста. В таком положении Рашлар не мог нормально дышать, соблюдая необходимый такт, потому что влажная тряпка препятствовала этому. Каждое мгновение пытаемому приходилось прилагать усилия, чтобы проглотить воду, надеясь дать доступ воздуху, однако вода все время выходила через ноздри. Экзекуция длилась чуть больше часа, после чего Гийом Мони снова предложил покаяться в содеянном, тем самым вынуждая арестанта признаться в преступлении. Но, несмотря на жестокие муки, Пьер Рашлар настойчиво повторял, что он не совершал того, в чем его обвиняют. Тогда палач сделал один поворот закрутки на правой ноге, в результате чего веревки врезались в мясо еще сильнее. По ноге потекла кровь. А затем последовало вливание новой порции воды. Но и после этого жестокие инквизиторы не получили признания. Пытку прекратили, но не окончили; изо рта извлекли тряпку, пропитанную кровью из-за

разрыва кровеносных сосудов в легких. Такое истязание оказывало очень плохое воздействие на сердце и работу мозга из-за сильного подъема внутричерепного давления.

На следующий день пытку продолжили. В итоге Пьер Рашлар не выдержал жестоких мучений и признался в том, что занимался ворожбой и заклинаниями, а также поклонялся Дьяволу. Другими словами, он полностью подтвердил собранные инквизиторами свидетельские показания и вынесенный судом приговор. Его признания записал нотариус. Однако, когда состоялся суд на городской площади, где обвиняемый должен был публично сознаться в преступлении и испросить прощения у Церкви, что свидетельствовало бы об изобличении его в ереси и раскаянии, Пьер Рашлар напрочь отказался молить о пощаде, в результате чего инквизиция передала преступника светским властям, исполнив таким образом десятый тип вердикта - аутодафе. Сожжение на костре за пределами города Анжер.

Ладислас был особо жесток по отношению к арестованному Рашлару потому, что баронесса д'Эрван была привлекательной молодой женщиной, в которую викарий епископа Анжерского был безумно влюблен, но не пользовался взаимностью. В свою очередь, знатная красавица питала страсть к бедному дворянину, не обращавшему никакого внимания, чем и навлек на себя ревностный гнев обиженной девушки, согласившейся на увещевания мстительного викария наказать гордеца за проявленное пренебрежение вниманием со стороны столь знатной и, без сомнения, самой прекрасной персоны. Коварство священника удалось, и ничего не подозревающий Пьер Рашлар был арестован, обвинен в ереси и колдовстве, испытал жуткие мучения изощренной пытки и, в конце концов, сожжен заново.